

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2023.01.03

КНЯЗЬ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СКОПИН-ШУЙСКИЙ. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РЮРИКОВИЧЕЙ, ВЕНЧАННЫЙ НАРОДОМ НА ЦАРСТВО

Бочарников И.В.

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Аннотация. В статье описываются основные этапы жизнедеятельности выдающегося русского полководца начала XVII столетия князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Его полководческий талант раскрылся в один из самых драматических периодов отечественной истории – Смутное время, когда из-за внутривнутриполитических неурядиц и иностранной интервенции Россия оказалась на краю пропасти с перспективой фактического распада и утраты суверенитета.

Князь Михаил Скопин-Шуйский был одним из тех, кто не допустил падения страны в пропасть. Ему было суждено стать одним из наиболее выдающихся русских полководцев Смутного времени. Победы М. Скопина-Шуйского сопоставимы с победами Дмитрия Донского и Александра Невского. Но, в отличие от них, его заслуги широкого освещения не получили.

Полководческая карьера князя была короткой, но яркой и насыщенной. Началась она осенью 1606 года и закончилась со смертью полководца весной 1610 года – всего лишь четыре неполных года. Но это были годы непрерывных побед. Причём побед, одержанных в чрезвычайно трудной ситуации, граничившей порою с национальной катастрофой. И всякий раз именно трудами юного князя Скопина-Шуйского эту катастрофу удавалось отсрочить.

При этом самому М. Скопину-Шуйскому в период достижения им побед от роду было всего лишь 21-23 года. Он начал побеждать в 22 года, а в 23 – одержал самые значительные свои победы. И в этом возрасте Михаил Васильевич Скопин-Шуйский по праву заслужил репутацию выдающегося русского полководца начала XVII столетия. Наиболее образно феномен М. Скопина-Шуйского отразил выдающийся русский историк С.М. Соловьев, по словам которого, 23-летний воевода волею судеб стал точкой притяжения народной надежды. Общество русское страдало от отсутствия точки опоры, от отсутствия человека, к которому можно было бы привязаться, около которого можно было бы сосредоточиться; таким человеком явился, наконец, князь Скопин.

Ратными трудами князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, его полководческим искусством удалось подавить вооруженный мятеж 1606-1607 годов, отбросить польских интервентов из центра страны и освободить от блокады Троице-Сергиеву лавру и Москву. Его при жизни называли спасителем Отечества и видели в нем государя, способного вывести страну из кризиса. М.Скопин-Шуйский мог бы много принести еще много пользы Отечеству. Но этому помешали зависть, властолюбие и отравленное вино. Тем не менее подвиг князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского остался навсегда в народной памяти, сделав его национальным героем.

Ключевые слова: Михаил Скопин-Шуйский, Рюрикович, полководец, Смута, Борис Годунов, Василий Шуйский, Лжедмитрий, осада Троице-Сергиевой Лавры, польская интервенция, освобождение Москвы.

Введение

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский в отечественную историю ворвался в один из самых драматических ее периодов – Смутное время, когда из-за внутривосточных неурядиц и иностранной интервенции Россия оказалась на краю пропасти с перспективой фактического распада и утраты суверенитета.

То Смутное время на Руси (1598–1613 годы) без преувеличения можно считать одним из наиболее трагических периодов ее истории. Страна рассыпалась буквально на глазах, вакуум же власти был заполнен различного рода вооруженными формированиями, в том числе и иностранными, творившими произвол в отношении населения. В этот период Россия пережила все мыслимые и немыслимые потрясения. Колоссальный неурожай породил бедствие в виде голода 1601–1603 годов, унесшего порядка полумиллиона жизней. Паралич власти после падения династии Рюриковичей и воцарение самозванца, с последующим его свержением и борьбой за власть различных политических группировок, спровоцировали грандиозный мятеж, вошедший в историю как восстание под руководством И. Болотникова, более двух лет сотрясавшее устои российского государства. Одновременно с этим активизировались крымские татары и ногайцы, осуществлявшие опустошительные набеги не только на окраины Руси, но и ее столичные регионы. Венцом этих потрясений стала польская интервенция, инициировавшая фактическую ликвидацию российской государственности после избрания на русский престол польского королевича Владислава.

Все эти события: голод, разорение и смерть, гражданская междоусобица, потрясавшие страну на протяжении более 15 лет, – стали основой национальной катастрофы России. Многим тогда казалось, что ее история подошла к своему концу. Для подобных выводов были все основания. Но совершилось всё иначе. Россия выстояла, а одним из тех, кто не допустил падения страны в пропасть, был Михаил Скопин-Шуйский, которому суждено было стать одним из наиболее выдающихся русских полководцев Смутного времени. Именно ему Москва была обязана избавлением от войск И. Болотникова, «тушинского вора» – Лжедмитрия II и польских гетманов. Историки отмечают полководческий талант М.В. Скопина-Шуйского, не проигравшего ни одного сражения и сыгравшего ключевую роль в событиях 1606 – 1610 годов [15]. Его победы сопоставимы с победами Дмитрия Донского и Александра Невского. Но, в отличие от них, его заслуги широкого освещения не получили.

И если дореволюционные историки еще обращались к личности М.В. Скопина-Шуйского, то уже в советское время он был предан забвению, в силу того, что часть его побед была одержана над войском И.И. Болотникова, которое считалось крестьянской повстанческой армией. А поскольку это так, то победа М.В. Скопина-Шуйского, по сути, являла собой подавление крестьянского (народного) восстания. На самом деле это в значительной мере утрированный и идеологизированный подход к событиям отечественной истории того времени. Само по себе восстание носило далеко не народный характер как по своим целям, так и по составу и лидерам. Так, в частности, сами вожаки восстания И.И. Болотников (представитель формирующегося дворянства) и князь А.А. Телятевский имели весьма опосредованное отношение к народным массам. При этом в рядах восставших было много иностранных наемников, а также просто «охочих» людей, стремившихся на волне вооруженного противостояния попросту нажиться на разбоях и грабежах. По сути дела, это был мятеж, угрожавший не только и не столько царской власти, сколько в целом российской государственности. Несмотря на предпринимавшиеся меры, мятеж все более распространялся по территории страны. Именно М. Скопин-Шуйский переломил ситуацию, одержав победу над мятежниками, а затем и вооруженными формированиями «тушинского вора» и польских интервентов.

При этом самому М. Скопину-Шуйскому в период достижения им побед от роду было всего лишь 21–23 года. Он начал побеждать в 22 года, а в 23 – одержал самые значительные свои победы. И в этом возрасте Михаил Васильевич Скопин-Шуйский по праву заслужил репутацию выдающегося русского полководца начала XVII столетия. По сути, он сыграл такую же роль в истории России, как и в свое время Ж. д'Арк в истории Франции. Он так же, как и она,

пришел на помощь никчемному монарху, так же сокрушил врагов своей страны, так же, назывался спасителем Отечества и так же, как и она, был, по сути, предан власти. Аналогии с судьбой легендарной орлеанской девы вполне очевидны.

Но все же, М. Скопин-Шуйский являлся феноменом русской истории. И об этом его феномене достаточно емко выразился С.М. Соловьев, который, не раскрывая основных черт его личности и значения побед, в то же время задался вопросом о «причинах славы и любви народной, приобретенных Скопиным». «Общество русское, – отмечал С. Соловьев, – страдало от отсутствия точки опоры, от отсутствия человека, около которого можно было бы сосредоточиться». 23-летний воевода волею судеб стал этой точкой притяжения народной надежды: в один год приобрел он себе славу, которую другие полководцы снискивали подвигами жизни многолетней, и, что еще важнее, приобрел сильную любовь всех добрых граждан, всех земских людей, желавших земле успокоения от смут, от буйства бездомовников, казаков, и все это Скопин приобрел, не ознаменовав себя ни одним блистательным подвигом, ни одной из тех побед, которые так поражают воображение народа, так долго остаются в его памяти. Что же были за причины славы и любви народной, приобретенных Скопиным? Мы видели, как замутившееся, расшатавшееся в своих основах общество русское страдало от отсутствия точки опоры, от отсутствия человека, к которому можно было бы привязаться, около которого можно было бы сосредоточиться; таким человеком явился, наконец, князь Скопин» [13, 399].

Современники единодушно отмечали достоинства самого молодого, не достигшего 24-х лет, и самого знаменитого полководца в России начала XVII века. Русские и иностранцы – поляки, шведы и немцы восхищались юношей необычайно высокого роста и богатырской комплекции, статного вида, с высоким лбом, большими, широко расставленными глазами, в которых светился «великий разум не по летам». По словам же одного из его противников – гетмана С. Жолкевского, – Скопин-Шуйский «не имел недостатка в мужественном духе и был прекрасной наружности» [2].

Храбрость и решительность сочетались в Михаиле Васильевиче с добротой, приветливостью, умением обходиться с соотечественниками и иностранцами. Зрелый ум князя, позволявший ему видеть и понимать больше других, наложил отпечаток на его лицо. На единственном сохранившемся портрете Скопина-Шуйского поражают глаза великомученика. Они смотрят с редкостной, пронзительной грустью, казалось бы, неуместной у молодого, знатного, богатого и славного полководца-победителя. На самом же деле, в глазах молодого князя имело место, по всей видимости, восприятие той трагической политической реальности, в которой он оказался, и осознание им опасности российской государственности.

Его полководческая карьера была короткой, но яркой и насыщенной. Началась она осенью 1606 года и закончилась со смертью полководца весной 1610 года – всего лишь четыре неполных года. Но это были годы непрерывных побед. Причём побед, одержанных в чрезвычайно трудной ситуации, граничившей порою с национальной катастрофой. И всякий раз именно трудами юного князя Скопина-Шуйского эту катастрофу удавалось отсрочить.

Обсуждение

Родился этот выдающийся полководец 18 ноября 1586 года в семье первого воеводы Большого царского полка, князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского, представителя старшей ветви Рюриковичей. Княжеский род Скопиных-Шуйских, известный с XV столетия, составлял немногочисленную ветвь суздальских и нижегородских удельных князей Шуйских, родоначальником которых был Юрий Васильевич Шуйский, имевший трех сыновей – Василия, Федора и Ивана.

Скопины-Шуйские ведут начало от его внука – Василия, получившего прозвание Бледный. В период правления Ивана III он был назначен наместником в Псков, а затем в Нижний Новгород, участвовал в военных походах в Литву и Казань. Во время казанского похода стоял во главе войска. Из троих детей Василия Васильевича двое были названы Иванами. От Ивана Большого, получившего прозвание Скопа, и пошла ветвь с двойной фамилией Скопиных-Шуйских. Эта семья дала стране в XVI веке нескольких воевод.

Сам Иван Васильевич Скопа при Иване III был воеводой. Участвуя в казанских и литовских походах, возглавлял Большой полк. Его сын, Федор Иванович, был назначен первым воеводой в Вязьму и 24 года своей жизни служил на беспокойных южных рубежах, противостоя регулярным татарским набегам.

Продолжателем ратных традиций стал и следующий представитель рода Скопиных-Шуйских – князь Василий Федорович. Он воевал в Ливонии, был одним из руководителей известной обороны Пскова от армии Стефана Батория. В 1584 году он получил назначение наместником в Новгород, что было весьма почетным по тем временам.

Отличительной чертой семьи Скопиных-Шуйских, несмотря на знатность происхождения, обусловленную родословной, истоки которой вели к Рюрику, было не участие в различного рода придворных интригах и борьбе за власть. Основным предназначением представителей рода была военная служба, ей и были посвящены их устремления. Таким образом, сама родословная благоволила тому, чтобы Михаил Васильевич стал известным полководцем. И он им стал. Воспитанный в среде военачальников, он с детства формировался воином, был хорошо развит физически, а любимыми его книгами были сказания о сражениях.

Историки констатируют, что о детстве и юности будущего полководца известно очень мало. В различных источниках упоминается только то, что мальчик был не по годам умён, отличался скромностью и не кичился знатным происхождением.

Когда Михаилу исполнилось 11 лет (в 1595 году), ушел из жизни его отец, Василий Федорович. С этого момента воспитанием Михаила занималась его мать, княгиня Елена Петровна, урожденная Татева. Она постаралась дать сыну соответствующее его знатному роду воспитание и образование.

С 15 лет началась и государственная служба Михаила. Согласно традициям того времени, Михаила еще с детства записали в так называемые «царские жильцы», одну из категорий служилого чина в Русском государстве. Жильцам полагалось проживать в Москве и быть готовыми к службе и войне. Выполняли они также различные служебные поручения, например, доставку грамот.

В 1604 году, когда ему исполнилось 18 лет, он был зачислен стольником на придворную службу и стал участвовать в посольских приемах. И уже в том же, 1604 году, в качестве стольника он участвовал в приеме персидского посла. Неприятным откровением для него, в частности, стало сказочное изобилие яств на «Большом столе», за который он отвечал. Это изобилие вызывало явный диссонанс с ситуацией с продовольствием в стране в тот период. Россия только что пережила страшный голод, унесший сотни тысяч жизней, и многие жители еще не могли позволить себе элементарной нормальной еды. А представители политической элиты того времени могли позволить себе и излишества. Все это свидетельствовало о том, что власть явно оторвалась и от народа, и от политической реальности, что, конечно же, не могло продолжаться сколь угодно долго, и должно было привести к социально-политическим катаклизмам. Они и произошли.

Спокойная и размеренная придворная жизнь вскоре была нарушена. В разгар все более охватывающей страну Смуты в октябре 1604 года западную русскую границу вместе с польскими отрядами, наемниками и искателями наживы и приключений пересек человек, вошедший в историю как Лжедмитрий I (Г. Отрепьев).

Поначалу успех сопутствовал Лжедмитрию. Его войска неуклонно продвигались к Москве, занимая без боя города и селения. Уже к декабрю 1604 года на сторону самозванца перешли Морюск, Чернигов, Путивль. Однако осада войсками самозванца Новгород-Северского закончилась неудачей: русский гарнизон отразил все штурмы противника. А в сражении при деревне Добрыничи (ныне Суземский район Брянской области) 21 января 1605 года силы самозванца вообще были наголову разбиты. Армия Лжедмитрия бежала, а сам он едва не погиб. Эта победа несла надежду на перелом как в противостоянии с самозванцем, так и в дальнейшем правлении Годунова. Но 13 апреля 1605 года царь Борис скорострительно скончался. Его внезапная смерть коренным образом повлияла на последующие события в России. Власть в

стране оказалась обезглавлена. Это спровоцировало борьбу околоставных группировок между собой и дестабилизацию в целом внутривполитической ситуации в стране. Наиболее опасным стало разложение армии и выступление воинских частей на стороне мятежников. Так, уже 7 мая 1605 года в войске, осаждавшем Кромь, вспыхнул мятеж: часть ратников перешла на сторону Лжедмитрия, другие – отступили к Москве.

Путь к столице самозванцу был открыт. Под его знамена стекались тысячи дворян, крестьян и горожан. Утром 1 июня 1605 года москвичи бросились громить дворы Годуновых и их приближенных.

30 июня 1605 года Лжедмитрий I под радостные крики толпы въехал в Москву и объявил себя законным наследником Ивана Грозного. С его приходом к власти изменилась и судьба молодого М. Скопина-Шуйского. Новый царь отметил Михаила боярством и должностью Великого мечника – новым дворянским званием, введенным им по польскому образцу. Оценив ум, честность и благородство Скопина-Шуйского, Лжедмитрий поручил ему важную для себя миссию – доставить в Москву бывшую царицу Марфу (Марию) Нагую, мать погибшего в Углице царевича Дмитрия, чтобы та признала в нем, самозванце, своего настоящего сына. Трудно объяснить мотивы царицы Марфы, но, признав своим сыном Лжедмитрия, она, развеяла сомнения в его личности в широких народных массах, непосвященных в разворачивающиеся вокруг царского престола интриги. Народ искренне верил или, по крайней мере, хотел верить в чудесное спасение царевича Дмитрия и его воцарение как наследника Ивана Грозного. 30 июля 1605 года Лжедмитрий короновался – венчался на царство.

Признав самозванца Лжедмитрия в качестве наследника Ивана Грозного и, соответственно его право на российский престол взамен гарантий собственных интересов, боярская дума, а с нею и другие представители властной политической элиты фактически легитимизировали его власть.

По всей видимости, Михаил Васильевич знал о самозванстве нового царя. Тем не менее каких-либо мер против самозванца не предпринимал, прежде всего, в силу того, что тот был повсеместно признан, если уж не сыном Ивана Грозного, Дмитрием, то, по крайней мере, главой государства, на верность которому он присягнул.

Власть Лжедмитрия продолжалась, впрочем, недолго. В мае 1606 года в результате заговора в Москве вспыхнуло восстание. Лжедмитрий I и многие из его приближенных были убиты. Царем был провозглашен князь Василий Иванович Шуйский, родственник Михаила Скопина-Шуйского.

Примечательно, что Скопины в роду Шуйских были старшей линией по сравнению с линией царя Василия Шуйского и, следовательно, имели больше прав на престол. Это, конечно же, покоило царя Василия Шуйского. Но Михаил никоим образом не демонстрировал свои претензии на престол. Его манила военная служба, и он смог убедить в этом своего родственника – царя. В итоге, он меняет придворную службу на военную и становится воеводой, как его дед и отец. Вскоре и его талант полководца, о котором он и не подозревал, был востребован.

Положение России в тот период было крайне тяжелым. Помимо Польши, вынашивавшей агрессивные планы в отношении Москвы, почти половина европейской части России была охвачена восстанием под руководством Ивана Болотникова. Именно оно и стало боевым крещением для Михаила Скопина-Шуйского.

В октябре 1606 года армия И. Болотникова устремляется к Москве. Сам И. Болотников позиционирует себя одним из воевод свергнутого царя Дмитрия (Лжедмитрия I). В составе его армии, помимо крестьян, было также большое количество «украинных казаков» и отборный десятитысячный корпус иностранных наемников – ландскнехтов и артиллерия. Двигаясь на Болхов, Белев и Калугу, И. Болотников в сентябре 1606 года на реке Угра нанес поражение войскам В. Шуйского, вышедшим из Калуги навстречу восставшим, и занял города Алексин и Серпухов. До Москвы оставалось совсем немного.

Оборонять столицу было нечем и некому. Необходимо было подтянуть к Москве более-менее солидные силы. Но для этого нужно время, которого у В. Шуйского уже не было. По идее

Москва должна была пасть. Но у В. Шуйского был М. Скопин-Шуйский, талант военачальника, который он сумел разглядеть. Царь отлично понимал нехитрую истину: «Для битвы с драконом нужен дракон». И этим «драконом» стал М.В. Скопин-Шуйский, продемонстрировавший свой воинский талант уже в первых сражениях.

После того как Болотников вместе с примкнувшими к его армии ландскнехтами двинулся к столице, ему навстречу отправился со своим отрядом Скопин-Шуйский, поджидая противника на берегах реки Пахры. Сражение было упорным и продолжительным, но войско Скопина-Шуйского выстояло. Болотников вынужден был отступить и идти на Москву другой дорогой, более длинной. Это был первый успех царского войска против восставших.

При осаде Москвы восставшими Михаил Скопин-Шуйский снова отличился. Он убедил царя не прятаться за кремлевскими стенами, а сделать неожиданную вылазку в сторону врага, расположившегося в районе Симонова монастыря. Получив назначение «вылазным воеводой», М. Скопин-Шуйский руководил военными действиями за пределами крепостных стен. В разрядной книге было отмечено, что «у боярина князя Михаила Васильевича Скопина со товарищами с теми ворами многие были бои во многих местах» [1].

Рейды Скопина-Шуйского мешали восставшим окружить Москву. Но 26 ноября И. Болотников все же переправил значительную часть своего войска через Москву-реку в обход города с востока, чтобы полностью заблокировать столицу.

27 ноября Скопин-Шуйский нанес из Замоскворечья удар по войскам восставших. И. Болотников, успевший собрать около 20 тысяч воинов, был разбит, но, пользуясь наступившей темнотой, сумел отступить к Коломенскому.

Во время генерального сражения с болотниковцами 2(12) декабря у деревни Котлы под Москвой Скопин-Шуйский со своим полком наступал «от Серпуховских ворот». Отряды восставших попытались разбить войска Скопина-Шуйского по частям, но понесли поражение. Несмотря на разгром, И. Болотников сумел увести в Калугу более 10 тысяч воинов. Часть восставших ушла в Тулу.

В начале 1607 года И. Болотников вновь выступил против главных сил В. Шуйского в Серпухове, но затем свернул на Каширу, стремясь обойти царские полки и прорваться к Москве, где не было крупных военных сил. Тем не менее недалеко от Каширы, на реке Восме, болотниковцы и казаки были разбиты полками воеводы А. Голицына, вовремя получившего подкрепление от М. Скопина-Шуйского. Поражение отряда И. Болотникова понесли и непосредственно от полков М.В. Скопина-Шуйского в июне 1607 года на реке Воронья. Повстанцы, используя рубеж реки, пытались остановить продвижение противника к Туле. Именно здесь, в Туле, был последний рубеж обороны армии И. Болотникова.

Опираясь на подавляющее превосходство в численности и мощную артиллерию, М. Скопин-Шуйский попытался взять город приступом. В течение месяца царская армия 22 раза ходила на штурм. Но осажденные не сдавались и, более того, сами вели активные действия. По три-четыре раза в день они делали вылазки, нанося потери царским войскам. Болотников призывал жителей держаться, обещая, что скоро подойдет помощь (в июле в северских городах появился Лжедмитрий II). Тогда по совету одного из своих подчиненных (боярского сына И. Кровкова) М. Скопин-Шуйский приказал построить дамбу на реке Упе [1]. После двух месяцев строительства вода в реке поднялась, затопила город, в том числе склады с продовольствием и боеприпасами. Это сразу же сказалось на положении восставших. 10 (20) октября Тула пала. С восстанием И. Болотникова было покончено. Война с И. Болотниковым многому научила Скопина. Он хорошо усвоил военную науку, как водить в бой полки, как осаждать и брать крепости.

Заслуги молодого воеводы снискали ему огромное уважение во всем русском войске, и даже царь Василий отметил его заслуги тем, что дал ему боярский чин, что для людей его возраста (воеводе было всего 22 года) было редким явлением.

Тем не менее разгром болотниковцев не принес успокоения стране – Смута продолжалась, принеся стране нового самозванца. На этот раз им оказался Лжедмитрий II, появившийся в пределах России в мае 1607 года.

У нового самозванца так же, как у его предшественника, были явно польские «корни». Потерпев неудачу с первым самозванцем, польские магнаты организовали новый поход на Москву во главе уже с новым Лжедмитрием (вторым). Выходец из города Шклова, известный под именем Богданки, по свидетельству современников, был человеком незначительным и к тому же трусливым. Но польская шляхта обратила на него внимание и стала всячески поощрять его стремление выдать себя за спасшегося Лжедмитрия. Очередной ставленник польских феодалов снова вел на Русь отряды завоевателей. Они являлись ядром его войска. Такие отряды польско-литовских магнатов, как, например, Р. Ружинского, Я. Сапеги, насчитывали по 7 тыс. человек каждый.

В северских и украинских городах к ним присоединились уцелевшие сторонники Лжедмитрия I – отряды И. Заруцкого и Д. Трубецкого, состоявшие из донских и запорожских казаков. Всего же, по некоторым сведениям, в войске самозванца насчитывалось около 40 тыс. человек. Самозванец двигался к Туле, но, узнав о сдаче города И. Болотниковым, вернулся в Орел.

Вел себя Лжедмитрий II уверенно, много раздавал обещаний и сулил своим сторонникам великие блага. Из Польши и Литвы, почуяв возможность утяжелить тощие кошельки, стекались различные авантюристы, бедные шляхтичи и прочие личности без особых морально-нравственных комплексов. Большую роль сыграли грамоты соответствующего содержания с призывами идти на Москву, где «будет добра много». Из-под Тулы от И. Болотникова прибыл делегатом атаман И. Заруцкий, признавший в Лжедмитрии II «настоящего царя», за что был введен в карманную «боярскую думу», заседавшую в Стародубе.

В сентябре 1607 года Лжедмитрий II приступил к активным действиям. Брянск приветствовал самозванца колокольным звоном, Козельск, где была взята большая добыча, взят штурмом. С первыми успехами к Лжедмитрию начали стекаться сторонники.

Пройдя сотни километров от юго-западной границы, новый «царь Дмитрий» стремительно подошел к Москве. Навстречу ему был послан брат царя, Дмитрий Шуйский, с 30-тысячной армией. В апреле 1608 года под Болховом состоялось двухдневное сражение, в котором правительственные войска были разбиты. Некомпетентность и трусость Дмитрия Шуйского привели к поражению, потере всей артиллерии и почти всего обоза. После победы многие города перешли на сторону самозванца. Путь на Москву был открыт.

Царь был вынужден отправить новое войско, которое теперь возглавлял М. Скопин-Шуйский. При этом в данных ему инструкциях говорилось о том, что противника необходимо встретить на Калужской дороге, по которой якобы движется войско Лжедмитрия. Однако эти сведения оказались неверными. Противник передвигался южнее, следуя другой дорогой, что потребовало экстренной передислокации и выхода на новые рубежи. Все это осложнило положение правительственных войск. Тем не менее в ходе сражения на реке Ходынке 25 июля 1608 года М. Скопину-Шуйскому удалось оттеснить силы Лжедмитрия II, лишив тем самым его возможности стремительно атаковать столицу. В результате московский гарнизон получил некоторое время для сосредоточения сил.

Самозванец же, не имея возможности штурма столицы, поманеврировав некоторое время в ее окрестностях, выбрал в качестве основной базы село Тушино, за что впоследствии был прозван «тушинским вором».

Сложилась в некоторой степени патовая ситуация: тушинцы не могли взять Москву, а у Шуйского не было достаточно сил для ликвидации хорошо укрепленного тушинского лагеря самозванца. Необходима была помощь, в том числе и иностранная. Еще за год до нападения Лжедмитрия II шведы предлагали царю Василию Ивановичу свою помощь, но их предложение было отклонено. Однако во время стояния Лжедмитрия в Тушино обстановка вынуждала воспользоваться предложением Швеции.

Помимо этого, крайне важной была мобилизация ресурсов регионов страны, прежде всего еще не разоренных Смутой и интервенцией. Особые надежды В. Шуйский возлагал на богатый ресурсами Великий Новгород, а также северные регионы страны. Для решения этих задач необходим был человек, обладающий экстраординарными способностями как в военном, так и в дипломатическом плане и одновременно пользующийся авторитетом в регионах. К тому времени слава о М. Скопине-Шуйском уже вышла за пределы столичного региона, его уважали и ему доверяли в основных региональных центрах страны. Ему и поручил В. Шуйский наиболее ответственное поручение – направиться в Великий Новгород и поднимать против Лжедмитрия население русского Севера. Одновременно Скопин должен был провести переговоры со шведским королем Карлом IX о военной помощи.

И с тем, и с другим Михаил Скопин-Шуйский справился блестяще. Во многом, благодаря именно ему, удалось спасти от поляков Новгород, сохранить русский Север от интервентов и собрать необходимое войско для оказания помощи осажденной Москве.

Пробраться пришлось тайно, через леса и болота по окольным дорогам, постоянно подвергаясь опасности быть схваченными. Добравшись до Новгорода, М. Скопин-Шуйский обнаружил, что жители города настроены против Василия Шуйского. Помимо этого, Псков и пограничные со Швецией города Орешек и Ивангород присягнули Лжедмитрию II. В этих условиях М. Скопин-Шуйский отправил к шведам С. Головина, а сам остался в Новгороде, превратившемся в центр борьбы с мятежниками и интервентами. Именно отсюда М. Скопин-Шуйский рассылал грамоты в оставшиеся верными царю города, сообщал о ходе событий, предписывал собирать воинов, благо его распоряжения имели силу указов. При поддержке земских властей северных территорий страны Михаил формирует пятитысячную армию из посадских и служилых людей, стрельцов и крестьян.

Вскоре на границе со Швецией начались переговоры, закончившиеся подписанием в феврале 1609 года так называемого Выборгского договора. По его условиям Швеция должна была предоставить России наемное иностранное войско, состоящее из шведов, немцев, голландцев, ливонцев, эстов, латышей, общей численностью 5 000 человек (2000 конницы и 3000 пехоты), полностью экипированных, снабженных оружием и боеприпасами, во главе со шведскими военачальниками. При этом в стратегическом отношении наемное войско должно было подчиняться русскому главнокомандующему М. В. Скопину-Шуйскому. Россия со своей стороны обязывалась выплачивать жалование наемникам. Причем по прибытии в Москву жалование удваивалось. Помимо этого, был подписан секретный протокол к выборгскому договору о передаче «Швеции в вечное владение российского города Корелы с уездом» [4].

Царь Василий Шуйский рассчитывал на помощь хорошо обученной и закаленной в боях шведской армии. Однако король Карл IX, не желая бросать в огонь свои полки, прислал только лишь отряд наемников в 7 тысяч человек (немцы, шведы, французы, англичане, шотландцы и другие) под командованием француза Якова Делагарди (граф Яков Понтус де-ля-Гарди).

Шведские вербовщики быстро набрали наемников в постоянно воюющей Европе, грузили на корабли и быстро переправляли в Россию, переводя на содержание московского царя. Первые отряды прибыли на русскую территорию в начале марта, а в Новгород – 14 апреля 1609 года. Вскоре численность вспомогательного шведского корпуса была доведена до 15 тыс. бойцов. Расходы на содержание наемного войска легли на плечи московского правительства [12].

М.Скопин-Шуйский понимал, что одних наемников будет недостаточно в предстоящих сражениях, поэтому ему пришлось собирать ополченцев по всей Новгородской земле. Кроме того, он был должен находить деньги на уплату шведским наемникам (100-тысячное жалование), провиант, фураж и боеприпасы для всего войска. Это существенно задерживало его продвижение к Москве.

В мае 1609 года ополчение Скопина-Шуйского вместе с наёмным войском начало наступление, выступив из Новгорода к Москве. В начале мая русско-шведский авангард под руко-

водством Ф. Чулкова и Э. Горна выступил из Новгорода, чтобы расчистить для основной армии дорогу на Торжок. В первом же сражении 10 мая они вынудили отряд польских гусар Я. Кернозицкого без боя оставить Старую Руссу.

После освобождения Старой Руссы русско-шведский отряд продолжил наступление и подошел к Торопцу, где 15 мая состоялось следующее сражение. Русско-шведский отряд застал врасплох поляков и казаков Я. Кернозицкого (около 6 тыс. человек). При первом же ударе панцирной пехоты Э. Горна, гусары и казаки Я. Кернозицкого обратились в бегство, а дворянская конница Ф. Чулкова завершила разгром противника. Тушинцы, бросив артиллерию, бежали из Торопца, который сразу же «отложился» от «тушинского вора». Таким образом, передовые силы самозванца на севере были разгромлены.

После взятия русско-шведским отрядом Торопца началась цепная реакция. От Лжедмитрия II «отложились» Торжок, Старица, Осташков, Ржев, Зубцов, Холм, Невель и другие северо-западные русские города. Север был освобожден от тушинцев, и армия М. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди прикрыла свой правый стратегический фланг [12].

17 (27) июня 1609 года состоялось сражение под Торжком. Сюда стягивали войска Лжедмитрия II под командованием А. Зборовского¹. Польские отряды попытались сходу взять город, но гарнизон отбил атаку. Атакующие подожгли кремль, но стены удалось потушить. Тем временем на помощь гарнизону подошёл отряд Ф. Головина и Э. Горна. В ходе развернувшегося сражения часть польской кавалерии напоролась на глубокую фалангу немецких наемников, ошестившихся длинными копьями, и вынуждена была отступить, понеся тяжёлые потери. После же контратаки русско-шведской конницы тушинцы вынуждены были отступить. Таким образом, победа была достигнута только авангардом русско-шведского войска без введения в бой основных сил. После того как А. Зборовский узнал о приближении всей армии М. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди, он предпочел отвести свои войска к Твери.

Стало очевидно, что хорошо организованная и вооружённая армия М. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди способна противостоять тяжелой польской коннице в полевом сражении. После победы под Торжком к М. Скопину-Шуйскому присоединились вооруженные отряды из Смоленска, Вязьмы, Торопца, Белой и других западных русских городов. Так, из Смоленска подошёл посланный воеводой М. Шеиным князь Я. Барятинский с 4 тыс. ратников, по пути он освободил от тушинцев Дорогобуж, Вязьму и Белую. К этому времени общая численность русско-шведской армии составляла порядка 18 тыс. человек. Поляков и тушинцев было около 9 тыс. человек. При этом основу войска составляли 5 тыс. конный отряд А. Зборовского.

7-8 июля русско-шведское войско выступило из Торжка, а 11 июля подошло к Твери и встало лагерем в 10 верстах от неё. Войско тушинцев заняло укрепленные позиции. М. Скопин-Шуйский попытался небольшими конными отрядами выманить противника на открытое место, но без успеха. Тогда 11 июля он начал наступление. Боевой порядок в наступлении предполагал построение: в центре – шведская и немецкая пехота, на левом фланге – французская и немецкая конница, а на правом – русская. Планировалось ударами с левого фланга отвлечь противника, затем мощным ударом с правого фланга отсечь его от города, прижать к Волге и уничтожить.

Однако русские и наемники действовали порознь и не смогли организовать единый удар. Поляки успели ударить на опережение и опрокинули конницу Я. Делагарди. Французская и немецкая конница обратилась в бегство, понеся тяжёлые потери. Но пехота в центре отразила вражескую атаку. Выдержала польскую атаку и русская конница. К 19 часам бой закончился и тушинцы вернулись за укрепления. Войска Скопина отошли за Волгу [12].

В лагере тушинцев уже праздновали победу, посчитав, что отразили наступление вражеской армии, что было преждевременно и неоправданно. М. Скопин-Шуйский, умело перегруппировавший свои силы, нанес 13 июля под покровом ночи внезапный удар по противнику. Русские и шведы ворвались в вражеский лагерь. После ожесточенного сражения поляки дрогнули и бежали. Союзное войско захватило тушинский лагерь и большую добычу: «Полских и

литовских людей побили, и таборы их взяли, и Тверь осадили. И под Тверью русские и немецкие люди многа богатства у полских людей побрал» [10].

Таким образом, под Тверью успех повторился. Шаховской и А. Зборовский были разбиты, но взять город не удалось. Разбитые под Тверью поляки бежали к Троице-Сергиевой лавре, которую осаждало войско гетмана Я. Сапеги.

Была одержана весьма знаковая победа. Однако после этой победы у М. Скопина-Шуйского начались сложности во взаимоотношениях с наемниками. Так, в частности, Я. Делагарди стал настаивать на штурме и осаде Твери, с чем не был согласен М. Скопин-Шуйский, считая это второстепенной целью. Главной целью для него была Москва, осада которой тушинцами уже привела к голоду в столице. В результате армия разделилась. Ее русская часть направилась к Москве, а иностранная – наемники – остались под Тверью.

Тем временем в полках самого Я. Делагарди вспыхнули разногласия и недовольство. Его разношерстное наёмное воинство стало требовать наперекор друг другу то отдыха, то штурма Твери и добычи, то внеочередной выплаты жалования и т.д. В конечном итоге Я. Делагарди предпринял несколько попыток штурма Твери, но безуспешно. Наёмники понесли тяжёлые потери в битве у Твери во время штурма, и взбунтовались, требуя жалованья, и, не получив денег, повернули назад. Дезертиры двинулись сначала в Торжок, а затем в Валдай. По дороге мародеры грабили местное население. Осталась только небольшая часть шведских войск во главе с Я. Делагарди (чуть более 1 тыс. бойцов).

Оказавшись в столь критической ситуации, М.В. Скопин-Шуйский, имея всего лишь несколько тысяч русских воинов, вынужден был отказаться от наступления на Москву и начать формировать новое войско. С этой целью он повел войско к Калязину, ставшему на некоторое время военно-политическим центром Русского царства.

Для создания новой армии М. Скопин-Шуйский разослал гонцов по всем соседним городам, призывая прислать ему дополнительные отряды, а также денежные средства. Многие откликнулись на призыв. Монастыри Соловецкий, Печенгский, Устюжинский, Кирилло-Белозерский, Борисо-Глебский, города Севера и Поволжья, обыватели – от купцов Строгановых до простых крестьян – присылали деньги, собирали людей для ополчения [6]. В Калязин начали прибывать ополчения из Ярославля, Костромы, Углича, Кашина и других городов. В итоге, к августу армия Скопина по разным данным возросла до 20 тыс. человек. Но эту армию необходимо было еще обучить и подготовить к предстоящим сражениям. Важнейший принцип в деятельности М. Скопина в этот период – «Укрепляться! Сохранять по мере сил в любом сражении армию!». С этой целью он придумал новую тактику отдельных, укрепленных лагерей. Под Калязиным он устроил первый такой лагерь, прикрытый рекой Волгой, рекой Жабней с ее топкими берегами и валом с острогом со стороны поля. Поле перед острогом было усыпано рогатками.

Особое внимание в этой связи М.Скопиным-Шуйским было уделено подготовке пехоты, способной выдержать удар польской кавалерии. Эта задача была решена посредством привлечения к обучению пехотных частей иностранных военных специалистов. Из армии Я. Делагарди со М. Скопиным-Шуйским остался отряд шведов под командованием К. Сомме (около 1 тыс. солдат). С учетом того, что в большинстве своём войско состояло из крестьян, М. Скопин-Шуйский привлёк К. Сомме к обучению ополченцев по «голландскому образцу». Позже он писал Я. Делагарди, что «без Сомме ему едва ли удалось бы подготовить множество необученных людей, ежедневно стекавшихся к нему из Ярославля, Костромы и Поморья» [12]. Ополченцев учили передовой в тот период тактике ведения боя В. Оранского: строю, равнению подразделений, сочетанию защиты длинными копьями и ружейного огня и т.д. В итоге русское воинство в кратчайшие сроки постигало новейшие формы и способы ведения боевых действий, опробованных на европейских театрах военных действий.

Тем временем польский гетман Я. Сапега, который в этот период проводил осаду Троице-Сергиева монастыря, решил первым атаковать армию М. Скопина-Шуйского. С этой целью 12-тысячный отряд Я. Сапеги оставил осаду Троице-Сергиевой лавры (часть войска осталась блокировать монастырь) и пошёл на соединение со А. Зборовским, выступившим из Тушина с

запорожскими и донскими казаками [9]. Численность этого объединённого войска не уступала тому, которое собрал М. Скопин-Шуйский.

28 августа 1609 г. вблизи Троицкого Макарьева монастыря началась Калязинская битва. Русская конница притворным отступлением заманила передовой отряд противника на заболоченный участок берега речки Жабни и после этого атаковала его с двух сторон. Тушинцы не могли развернуться, были дезорганизованы и, понеся большие потери, были обращены в бегство. После чего русские отряды ушли за Жабню в укрепленный лагерь около переправы через Волгу.

Основные силы тушинцев, разъярённые поражением передового отряда, атаковали русский лагерь. М. Скопину-Шуйскому удалось компенсировать нехватку конных войск заранее подготовленными укреплениями и правильно выбранной оборонительной тактикой. Атака польских и казачьих войск была остановлена русскими полевыми укреплениями, где вражеская кавалерия попала под плотный пищальный огонь. Тогда поляки стали предпринимать демонстрации, накатываясь и притворно удирая, чтобы выманить русских из-за укреплений. Однако эти маневры оказались безрезультатны, русские войска укрытий не покинули. Тогда польское командование снова сменило тактику, попытавшись прорваться в лагерь М. Скопина-Шуйского в результате неожиданного удара со стороны реки Жабни. И эта атака оказалась для тушинцев провальной. Русские отряды встретили нападающих и в результате семичасовой битвы одержали вверх. Когда тушинцы были утомлены и обескровлены безрезультатными атаками, Скопин начал контрнаступление, в результате которого тушинцы стали отступать за Жабню. Воодушевлённые ратники М. Скопина-Шуйского усилили напор, достигли обозов войска Я. Сапеги и продолжали теснить их дальше. Тушинцы не выдержали и побежали по дороге на Углич. Их преследовали на протяжении 15 вёрст. Разбитые полки Я. Сапеги вернулись к Троице-Сергиеву монастырю.

Таким образом, подготовленная и организованная Скопиным-Шуйским по западному образцу русская армия самостоятельно одержала блестящую победу над интервентами. Весьма эффективными оказались многочисленные деревянные острожки, построенные по указу М. Скопина-Шуйского и упомянутые в дневниках гетмана С. Жолкевского [9]. Сам же Я. Сапега был разъярен тем, что поражение ему нанес какой-то мальчишка. Между тем этот 23-летний мальчишка оказался более искусным полководцем, чем спесивый шляхтич.

Примечательно, что в сражении под Калязином русские доказали возможность одержать победу без широкомасштабного участия иностранных наемников. Однако Скопину-Шуйскому еще многое предстояло сделать, чтобы превратить свое храброе, но недостаточно обученное войско в крепкую современную армию.

Русское войско оставалось у Калязина ещё около месяца, продолжая наращивать свои силы, высылая отряды для освобождения отдельных городов и поддержки Троице-Сергиева монастыря.

Кипучую деятельность развил М. Скопин-Шуйский в отношении финансовой стороны дела. Для обеспечения финансирования армии он направлял убедительные грамоты городам и монастырям, откуда начали присылать денежные пожертвования и выплаты. На денежные средства, присланные монастырями и купцами, М. Скопин-Шуйский вновь привлёк к своему войску наёмников Я. Деллагарди, не желая оставлять их без контроля в своём тылу. Постепенно князь Михаил Васильевич расширял подвластную ему территорию, расставляя гарнизоны в захваченных городах, беря под контроль важнейшие дороги. Постепенно создавалась система укрепленных городов, монастырей и полевых крепостей, в которых укрывались войска Скопина-Шуйского, и из которых они при всяком удобном случае нападали на врага.

Одновременно с этим шла интенсивная подготовка войска к предстоящим сражениям. За основу была взята так называемая «нидерландская тактика», которой владел Я. Деллагарди, сам воевавший в Нидерландах. Русских воинов учили не только обращению с оружием, но и упражнению в строю. Большое внимание уделялось возведению полевых деревоземляных

укрепленных вместо традиционного гуляй-города. Боеспособность и численность русской армии позволили начать осеннюю кампанию. И она началась.

Уже 10 (20) сентября 1609 года войска М. Скопина-Шуйского взяли Переславль-Залесский, а 6 (16) октября – Александровскую слободу. Здесь полководец решил устроить свою ставку для подготовки решающего похода на Москву. Вскоре сюда подошла Понизовая рать Ф.И. Шереметева, освобождавшая Поволжье.

Активные действия русских вызвали тревогу у осаждавшего Троице-Сергиеву лавру гетмана Я. Сапеги, фактически главного военачальника польских интервентов того времени. Он видел в армии М. Скопина-Шуйского угрозу своему положению и начал готовиться к походу на Александровскую слободу. Чтобы сковать как можно больше его войск, князь Михаил направил под Троице-Сергиеву лавру несколько легучих отрядов, которые то и дело нападали с разных сторон на его войско и грозили разрывами его осадного кольца. Это вынудило отправившегося навстречу М. Скопину-Шуйскому Я. Сапеге оставить под монастырём больше войск.

В конце октября 1609 года Я. Сапега прибыл под Александровскую слободу с 10-тысячной конницей и таким же количеством пехоты. Здесь произошла битва на Каринском поле. Первоначально Я. Сапеге удалось опрокинуть передовые сотни русской конницы, однако на этом его успехи закончились. Приготовленные М. Скопиным-Шуйским надолбы и рогатки остановили гусар, которые сразу же попали под убийственный огонь русских стрельцов. Отходивших поляков преследовала конница князя, нанося им значительный ущерб. По такому же сценарию прошли ещё несколько нападений Я. Сапеги, который в итоге велел трубить отступление и возвратился под стены Троице-Сергиевой лавры.

Победа у Александровской слободы 28 октября 1609 года окончательно закрепила за Скопиным-Шуйским образ национального героя в народном сознании. Жители многих городов присылали ему деньги, продовольствие, военную помощь, почитая полководца как своего государя. Окружение князя стало поговаривать о перспективе молодого полководца занять царский трон. Многие вообще стали открыто называть молодого полководца царём, а рязанский воевода Проконий Ляпунов прислал к князю Михаилу посольство с грамотой, в которой всячески поносил царя Василия и его правление, указывая на его абсолютную непопулярность в народе. Самого же М. Скопина-Шуйского П. Ляпунов восхвалял, говоря о всенародной любви к молодому полководцу, называя его не князем, а царем и предлагая свою помощь в занятии царского престола. Но полководец не принял оказанной ему чести, хотя прекрасно понимал, что бессильный дядя полностью у него в руках. По словам летописцев, М. Скопин-Шуйский, даже не дочитав послания, изорвал его и пригрозил посланникам П. Ляпунова отправить их в Москву и сдать в руки царя Василия. Те умоляли о прощении. М. Скопин-Шуйский пожалел их и отпустил домой, ничего не сообщив о случившемся царю [14]. Василий Шуйский, крайне подозрительный по природе, да и к тому же не вполне уверенный в законности своего царствования, знал о популярности племянника в народе, что, безусловно, его тревожило. Еще больше встревожился брат царя, Дмитрий Шуйский, надеявшийся унаследовать корону в случае смерти не имевшего наследников Василия и к тому же очень завидовавший воинской славе М. Скопина-Шуйского, поскольку сам имел на своем счету одни поражения.

Между тем, успехи русской армии отозвались не только в Москве, но и в Польше. Воспользовавшись соглашением между Россией и Швецией как поводом, польский король Сигизмунд III осенью 1609 года объявил России войну. 9 сентября 1609 года польская армия перешла русскую границу. 13 сентября был захвачен г. Красный, а 16 сентября польские войска прибыли под Смоленск. Вопреки ожиданиям, Смоленск взять «с ходу» поляки не смогли, и началась длительная его осада.

Изменились и политические планы польского руководства. Так, согласно перехваченным смоленским воеводой М.Б. Шеином и переданным в Москву сведениям, следовало, что поляки намеревались посадить на московский трон уже не Лжедмитрия II, а королевича Владислава.

В этот же период в самом тушинском лагере начался раздор, связанный с вопросом выплаты жалования и долгов и доходивший до вооружённых столкновений. Удерживаемый практически под арестом Лжедмитрий II в крестьянской одежде бежал в Калугу, за ним последовали и казаки.

В этих условиях М. Скопин-Шуйский не спешил вступать в Москву, а стремился отрезать дороги, по которым к Сигизмунду могли присоединиться польские и тушинские части.

Важнейшей же на тот момент задачей была деблокада Троице-Сергиевой лавры. Для решения этой задачи М. Скопин-Шуйский отправил к Лавре для разведки отряд Г.Л. Валуева, сделавшего больше, чем ему предписывалось. Вместе с отрядом Д.В. Жеребцова он вступил в Лавру и разгромил польский лагерь, захватив множество пленных. Таким образом, 12 января 1610 года завершилась двухлетняя осада Троице-Сергиева монастыря. Сам Я. Сапега, осаждавший Лавру, с остатками своих войск вынужден был отойти к Дмитрову. Угроза Москве была ликвидирована.

Готовясь к заключительной части и цели своего освободительного похода – деблокаде Москвы, М. Скопин-Шуйский в условиях холодной и снежной зимы сформировал летучие отряды лыжников численностью до 4 тысяч человек, которые по манёвренности превосходили даже конницу. Они первыми подошли к Дмитрову и разгромили сильную сторожевую заставу Я. Сапеги.

Вслед за ними к Дмитрову подошли и основные силы русской армии. В ходе завязавшегося сражения 20 февраля русским войскам удалось выманить часть поляков в поле и разбить их. Положение Я. Сапеги становилось все более тяжелым. 27 февраля, уничтожив тяжелую артиллерию и приказав поджечь город, Я. Сапега с остатками польской армии покинул Дмитров и двинулся на соединение с королем Сигизмундом под Смоленском.

Успехи М. Скопина-Шуйского привели к тому, что в Тушинском лагере начался разброд и шатание. 6 марта поляки, казаки и русские сторонники Лжедмитрия II покинули лагерь в Тушино. Тушинский лагерь, таким образом, прекратил существование, одновременно с этим была прекращена и блокада Москвы.

Сам же М. Скопин-Шуйский занял Старицу и Ржев и начал готовиться к весенней кампании. Следующим логичным шагом было снятие осады польской армии со Смоленска, который держал оборону уже много месяцев. М. Скопин-Шуйский готовился к походу. К этому же его побуждал и Я. Делгарди, подозревая заговор в отношении М. Скопина-Шуйского и полагая, что тот в окружении своего войска будет в большей безопасности.

Сам же М. Скопин-Шуйский в этот период неожиданно получает царский приказ немедленно прибыть в Москву для оказания ему заслуженных почестей как победителю, освободившему страну от грозившей ей смертельной опасности. Это царский приказ в окружении князя вызвал смятение. Приехавшая в слободу мать князя, которая хорошо знала о подлинном отношении царской семьи к сыну, уговаривала его не ездить на чествование. Не менее горячим противником поездки был и Я. Делгарди, также осведомленный о настроениях царской семьи. Но М. Скопин-Шуйский считал для себя невозможным невыполнение царского приказа, тем более что отказ от поездки расценили бы как выражение недоверия царю и открытое выступление против его власти, т. е. как бунт, а этого князь не хотел.

10 (22) марта его полки торжественно вступили в столицу. Василий приготовил М.В. Скопину-Шуйскому торжественную встречу по тщательно разработанному сценарию, рассчитанному на изоляцию того от народа. Предполагалось, что у въезда в город князя встретят бояре и уведут с собой в Кремль. Рядом со М. Скопиным должен был идти и Я. Делгарди, чем как бы подчеркивались их равные права на славу. Но народ спугнул все карты Василия и его братьев: людская масса в порыве благодарности высыпала за ворота, оттеснив боярскую делегацию. Люди падали перед Скопиным ниц, называли отцом и спасителем Отечества.

«И была в Москве радость великая, и начали во всех церквах в колокола звонить и молитвы богу воссылать, и все радости великой преисполнились. Люди же города Москвы все хвалили

мудрый добрый разум, и благодеяния, и храбрость Михаила Васильевича Скопина-Шуйского». Так «Повесть о победах Московского Государства» описывает торжественное вступление Михаила Скопина-Шуйского в Москву 10 марта 1610 года. Очевидно, что если бы дело происходило в Древнем Риме, то юный князь удостоился бы настоящего триумфа. Только что молодой воевода снял со столицы царства осаду, разбив под Дмитровом войско польского шляхтича Я. Сапеги. До этого 23-летний М. Скопин-Шуйский успел одержать над поляками еще несколько важных побед, заручиться поддержкой Швеции и усмирить многочисленных мятежников, подбиравшихся к Москве. Всего полтора года понадобилось молодому полководцу, чтобы стать национальным героем. По Москве даже поползли слухи, что М. Скопин-Шуйский был бы, наверное, неплохим царем.

Эти слухи, несомненно, встревожили дядю воеводы Василия IV. Шуйский не мог не ощущать шаткость своего положения. Он был назван царем после убийства Лжедмитрия, но сама процедура провозглашения имела достаточно сомнительный характер. Все усилия Василия были направлены на то, чтобы удержать власть. А сделать это становилось все труднее. Шуйский был катастрофически непопулярен, как и его брат – бездарный полководец Дмитрий Иванович Шуйский, который между тем являлся наследником Василия.

Сам же князь Михаил занимался подготовкой к походу. Как отмечают историки, Я. Делагарди, ставший другом М. Скопина-Шуйского, советовал ему быстрее покинуть Москву и вернуться к войскам. Но последовать этому совету российский полководец не успел.

Поход был назначен на конец апреля, но воеводе пришлось немного отложить его. Между тем, планируемый поход ускорил реализацию замыслов врагов М. Скопина-Шуйского, среди которых наиболее ярым был наследник престола – бездарный брат царя Дмитрий Иванович Шуйский, проигравший все сражения против мятежников и поляков.

Согласно одной из версий, которой придерживался Н.М. Карамзин, М. Скопин-Шуйский был приглашен на пир по случаю крестин сына князя И.М. Воротынского. Князь Михаил был приглашен в качестве крестного отца его сына. Крестной матерью была Екатерина Шуйская – жена Дмитрия Ивановича и, что немаловажно, дочь знаменитого опричника Малюты Скуратова. Скуратовна, как ее иногда называли, поднесла куму чашу с вином. Выпив его, М. Скопин-Шуйский немедленно почувствовал недомогание. Из носа хлынула кровь, князь лишился чувств, и его спешно унесли домой.

Промучившись около двух недель, в ночь с 23 на 24 апреля (3–4 мая) 1610 года князь Михаил скончался. Его тело установили в церкви и разрешили всем желающим проститься. Толпы москвичей запрудили все окрестные улицы. Горе поистине было всенародным. Приехал и Я. Делагарди со своими офицерами. Как иноверца, его не хотели пускать в православный храм, но он, растолкав всех, с гневом заявил: «Как вы можете не разрешить мне увидеть господина моего, государя и кормильца, в последний раз?!». В процессе же прощания с князем Михаилом он взглянул на покойного, прослезился и сказал: «Московские люди, не только в вашей Руси, но и в землях государя моего не видать уже мне такого человека!» [7].

Весть о смерти «спасителя Москвы» едва не привела к массовым беспорядкам. Народ бросилась громить дом царского брата, помешать этому сумели только стрельцы. Никакого следствия проведено не было. При этом практически никто не сомневался, что М. Скопин-Шуйский умер не от внезапной хвори, а от яда. И что яд этот ему подсыпал Дмитрий Шуйский, возможно по приказу и с ведома брата. Многие современники открыто говорили о том, что в кончине славного полководца виноваты царь Василий и его окружение, которые опасались возраставшей силы и авторитета молодого полководца. Так, в частности, живший в то время в Москве немецкий проповедник Мартин Бер писал по этому поводу: «Храбрый же Скопин, спасший Россию, получил от Василия Шуйского в награду – яд. Царь приказал его отравить, досадуя, что москвитяне уважали Скопина за ум и мужество более, чем его самого» [5].

По родовому обычаю Михаила должны были похоронить в усыпальнице князей суздальских. Но толпа вознегодовала – такого мужа-воина необходимо похоронить в царской усы-

пальнице Архангельского собора. Василий Шуйский согласился воздать царские почести племяннику, поскольку тот уже не представлял для него угрозы. Ни он, ни его брат Дмитрий не понимали, что, расправившись со всенародно любимым полководцем, они подписали и себе смертный приговор.

Так или иначе, Россия лишилась своего лучшего на тот момент полководца, и вскоре это сказалось самым неблагоприятным образом.

Армия без М. Скопина-Шуйского досталась Дмитрию Шуйскому, который повел ее к гибели. 24 июня 1610 года в сражении под Клушином 40-тысячная русская армия и 8-тысячный корпус наемников-профессионалов перестали существовать. Значительная часть воинов после разгрома перешла на сторону Речи Посполитой. Спасший часть сил Я. Делагарди отступил на север, где шведы начали войну с Россией. Царево-Займище, Можайск, Борисов, Боровск, Иосифо-Волоколамский монастырь, Погорелое Городище и Ржев перешли на сторону королевицы Владислава, с именем которого поляки шли на Москву. Узнав о поражении царской армии, к Москве подошел Лжедмитрий II. Защищать царя Василия оказалось некому.

17 (27) июля 1610 года толпа москвичей во главе с рязанским дворянином З. Ляпуновым стала собираться под окнами царского дворца с криками «Ты нам больше не царь!». Заговорщики объявили себя Земским собором и низложили Василия Шуйского с престола, а затем насильно постригли его в монахи Чудова монастыря.

Выводы

В истории России начался кратковременный, но чрезвычайно и опасный для российской государственности период семибоярщины. Сформированное временное боярское правительство присягнуло польскому королевичу Владиславу, в Москву вошел польский гарнизон. По указанию командующего польским гарнизоном в Кремле С. Жолкевского бывшего царя Василия и его брата Дмитрия Шуйских отправили в Варшаву. Их провезли по городу в открытой повозке, под звон колоколов. Василий Шуйский целовал руку польскому королю, клялся, что Россия никогда не нападет на Польшу. Князь Дмитрий, стоя на коленях, отвечивал королю земные поклоны. Оба умерли в плену через год. Таким бесславным оказался конец коварного и неблагодарного В.И. Шуйского.

Смута, которая усилиями князя Михаила, казалась бы ушла в небытие, проявилась с новой силой. Потребовались новые патриоты и герои, с тем чтобы очистить и Кремль, и страну в целом от интервентов и самозванцев. Весьма вероятно, что, если бы Михаил Скопин-Шуйский не был бы отравлен, всего этого удалось бы избежать.

Подвиг же князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского остался навсегда в народной памяти, сделав его национальным героем. Если бы не столь ранняя скоропостижная смерть, возможно бы, Михаил Васильевич подарил бы стране еще не одну военную победу и политически дальновидные решения. А, судя по тому, что он успел сделать за свои 23 года жизни, он мог бы принести еще много пользы Отечеству. Но этому помешали зависть, властолюбие и отравленное вино.

Примечание

1. Войско А. Зборовского состояло из 8-тысячного отряда Я. Кернозицкого (2 тысячи польских гусар, а также 6 тысяч запорожских казаков и тушинцев), 2 тыс. польских копейщиков, 1 тыс. конного отряда под командованием тушинского воеводы Григория Шаховского, а также 2 тыс. солдат из других польских полков.

Библиография

1. Алексеев Ю., Русанов В. Полководец «Смутного времени» Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm>.

2. Богданов А. Скопин-Шуйский: новый Давид против Голиафа Смуты. <http://www.hvs.kz/skopin-shuyskiy-novyuy-david-protiv-goliafa-smuty>.

3. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2009. № 12 (379). С. 43-60.
4. Выборгский мирный договор 1609. <https://runivers.ru/newenc/474604/>.
5. Каргалов В.В. Московские воеводы XVI – XVII вв. М.: ООО «Русское слово – РС», 2002.
6. Кожейкин А. Лучший из воевод, хотя и юнейший. <https://proza.ru/2009/04/22/751>.
7. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х томах. Репр. воспр. изд. (1873-1888 гг.). М., 1992. Т. 3.
8. Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / Абрамов А.В., Поляков С.П., Дубинина Н.Н., Овсянникова О.А., Комаров Н.П., Богатырёва С.Н., Бочарников И.В., Кольцова В.А., Соснин В.А., Дурягина А.И., Емец В.С., Гришнова Е.Е., Пекарский Ф.В., Кандыбович С.Л., Ремарчук В.Н., Герасимов А.В., Репьёва А.М., Иванова С.Ю. Москва, 2015.
9. Петрова Н. Г. Скопин-Шуйский. Москва: Молодая Гвардия, 2010. С. 174.
10. Повесть о победах Московского царства. Публ. Г. П. Енин. Л. Наука. Серия «Литературные памятники». 1982. С. 93-134.
11. Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития / Бочарников И.В., Овсянникова О.А., Герасимов А.В., Богатырёва С.Н. Сборник материалов / Москва, 2014.
12. Самсонов А. Поход Скопина-Шуйского: битвы под Торжком, Тверью и Калязином. <https://topwar.ru/98032-pohod-skopina-shuyskogo-bitvy-pod-torzskom-tveryu-i-kalyazinom.html>.
13. Соловьев С.М. Книга История России с древнейших времен. 1584-1613. М.: Изд. Аст, 2001, С. 399.
14. Филин М. Как началось польское вторжение. Завершение освобождения Москвы армией Скопина-Шуйского: битва на Каринском поле и под Дмитровом. <https://rodovich.org/blog/kak-nachalos-polskoe-vtorzhenie-zavershenie-osvobozhdeniya-moskvy-armiey-skopina-shuyskogo-bitva-na-karinskom-pole-i-pod-dmitrovom>.
15. Филиппов А. Царь, которого мы потеряли: взлет и смерть Михаила Скопина-Шуйского. <https://portal-kultura.ru/articles/history/336501-tsar-kotorogo-my-poteryali-vzlet-i-smert-mikhaila-skopin-shuyskogo>.

**PRINCE MIKHAIL VASILIEVICH SKOPIN-SHUISKY.
THE LAST OF THE RURIKOVICHES, CROWNED TO THE KINGDOM
IN THE HEARTS OF THE PEOPLE**

Bocharnikov I.V.

Bauman Moscow State Technical University

Abstract. The article describes the main stages in the life of the outstanding Russian commander of the early 17th century, Prince Mikhail Vasilievich Skopin-Shuisky. His leadership talent was revealed in one of the most dramatic periods in Russian history - the Time of Troubles, when, due to internal political turmoil and foreign intervention, Russia found itself on the brink of an abyss with the prospect of actual collapse and loss of sovereignty.

Prince Mikhail Skopin-Shuisky was one of those who did not allow the country to fall into the abyss. He was destined to be one of the most prominent Russian commanders of the Time of Troubles. The victories of M. Skopin-Shuisky are comparable to the victories of Dmitry Donskoy and Alexander Nevsky. But, unlike them, his merits did not receive wide coverage.

The military career of the prince was short, but bright and eventful. It began in the autumn of 1606 and ended with the death of the commander in the spring of 1610 - only four incomplete years. But these were years of continuous victories. Moreover, victories won in an extremely difficult situation, sometimes bordering on a national catastrophe. And every time, it was the labors of the young prince Skopin-Shuisky who managed to postpone this catastrophe.

At the same time, M. Skopin-Shuisky himself, when he achieved victories, was only 21-23 years old. He started winning at the age of 22, and at 23 he won his most significant victories. And at this age, Mikhail Vasilievich Skopin-Shuisky rightfully earned the reputation of an outstanding Russian commander of the early 17th century. The most figurative phenomenon of M. Skopin-Shuisky reflected the outstanding Russian historian S.M. Solovyov, according to whom, the 23-year-old governor, by the will of fate, became a point of attraction for people's hope. Russian society suffered from the absence of a point of support, from the absence of a person to whom one could become attached, around whom one could concentrate; such a person was, finally, Prince Skopin.

The military labors of Prince Mikhail Vasilyevich Skopin-Shuisky, his military leadership, managed to suppress the armed rebellion of 1606-1607, push back the Polish invaders from the center of the country and liberate the Trinity-Sergius Lavra and Moscow from the blockade. During his lifetime, he was called the savior of the Fatherland and they saw him as a sovereign capable of leading the country out of the crisis. M. Skopin-Shuisky could bring many more benefits to the Fatherland. But this was prevented by envy, lust for power and poisoned wine. Nevertheless, the feat of Prince Mikhail Vasilyevich Skopin-Shuisky remained forever in the people's memory, making him a national hero.

Key words: Mikhail Skopin-Shuisky, Rurikovich, commander, Troubles, Boris Godunov, Vasily Shuisky, False Dmitry, siege of the Trinity-Sergius Lavra, Polish intervention, liberation of Moscow.